

С.И. Кормилов

**Долгова С.Р., Михайлова Н.И. «Края Москвы, края родные...»
А.С. Пушкин и Москва. М.: Вече, 2013. 320 с.; ил.**

Под одной обложкой объединены две книги: «В архивах я был...» С.Р. Долговой, более 50 лет работающей в Российском государственном архиве древних актов, и «А.С. Пушкин. Московские сюжеты» Н.И. Михайловой, сотрудницы Государственного музея А.С. Пушкина (Москва) на протяжении более 40 лет, заместителя директора по научной работе. В отличие от авторов многих современных литературоведческих книг они не выдают сборник за монографию, отдельные очерки – за главы: архивные или музейные находки и открытия в общем всегда случайны, в цельный «сюжет» не выстраиваются. Но тема собранных очерков все же одна – новое о пушкинской Москве.

Первая книга названа усеченной цитатой из письма Пушкина к жене от 14 и 16 мая 1836 г. из Москвы в Петербург: «В архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть <...>»¹. Хотя поэт уже отчаялся воздействовать на Николая I примером его прапрадеда, мысль написать историю Петра он не оставлял. Но, высоко ценя архивы, он иногда, например говоря о собственных предках, использовал не документы, а недостоверные предания. «В незавершенной рукописи автобиографических записок А.С. Пушкин рассказал о своем деде: “Лев Александрович служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях. Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. <...>” Но... это была легенда» (с. 9–10). О крепости говорится и в стихотворении «Моя родословная» (1830). А пушкинист Р.В. Овчинников документально доказал, что во время дворцового переворота в пользу Екатерины II и даже в следующем году, когда Л.А. Пушкин и вышел в отставку подполковником, он находился вне Петербурга. Московвед С.К. Романюк нашел свидетельство о его участии в церемонии коронации Екатерины в Москве². Служи

¹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. 10. Л., 1979. С. 452. Далее ссылки на это издание даются в тексте с обозначением тома римской цифрой и страницы – арабской.

² С.Р. Долгова ограничивается констатацией этого факта. Московвед пишет, что Л.А. Пушкин «в крепости не сидел, во время переворота спокойно жил в своем московском доме и, более того, в числе виднейших московских дворян участвовал в церемонии “вшествия” Екатерины в Первопрестольную перед торжественной коронацией ее в сентябре 1762 г.» (*Романюк С.К.* Москва за Садовым

про крепость и повешенного француза были порождены более ранним и не столь страшным событием. «В декабре 1755 года Л.А. Пушкин и его шурин А.М. Воейков были осуждены военным судом за истязание домашнего учителя венецианца Харлампия Меркади и около двух с половиной лет, с 19 декабря 1755 года по май 1758 года, содержались под строгим домашним арестом, имея право выходить из дома только в ближайшую церковь, да и то в сопровождении караульных солдат» (с. 10). Уже Сергей Львович, отец заблуждавшегося классика, защищал доброе имя своего отца, рисовал его как «безукоризненного семьянина и христианина, человека любимого и почитаемого всеми, кто знал его» (там же). Рассказывается история приходской церкви Пушкиных в Старой Троицкой слободе, лежавшей по обе стороны Самотечного пруда. В ней служили священники Малиновские. Из этой семьи вышли архивист, знаток «Слова о полку Игореве» Алексей Федорович и первый директор царскосельского лицея Василий Федорович Малиновские.

В другом очерке рассказано о прадеде А.С. Пушкина по матери, привезенном из Африки вместе с братом и еще одним «арапом» в 1704 г. Авраам, первоначально называвшийся Петровым по имени Петра I, крестившего его в 1705 г. (о чем гласит мраморная доска на церкви св. Параскевы в Вильне), собрал библиотеку из 400 томов, что правнук считал признаком его высокой культуры. После смерти Екатерины I он, оставшись на службе, был сослан в Сибирь (тогда и употребил впервые фамилию Ганнибал), но вызволен ввиду большой потребности в инженерах генерал-фельдцейхмейстером Минихом. В церкви его имени Суйда крестили будущую няню Пушкина, венчались родители поэта.

Третий очерк посвящен генералу Александру Александровичу Пушкину, старшему сыну Александра Сергеевича, герою Балканской войны. Четвертый называется «Вотчина Васильчиковых село Зачатьевское – Лопасня в XVII–XVIII веках», только при чем тут Пушкины, автор не объясняет. Другое дело – история Болдина, известного с первой четверти XVII в. Это было большое имение. «Из прошения С.Л. Пушкина Александру I становится известно, что Болдино в это время имело второе название – Сергиевское, и в нем проживало 562 души “мужеского пола”» (с. 29). Но бесхозяйственные владельцы не умели извлекать из него доход. У А.С. Пушкина к маю 1836 г. накопилось около 77 тысяч рублей долгов.

Первоначально богаты были и Гончаровы, которым отведено четыре очерка, даже пять («Бабушкина брошка» – о затерявшемся украшении Н.Н. Гончаровой, ставшей Пушкиной и потом Ланской). Их предки были горшечниками, имели небольшую гончарную лавку в Калуге, а при Петре I у Афанасия Абрамовича Гончарова были фабрики, заводы и «семьдесят пять вотчин» (с. 53). Императрица Елизавета Петровна присвоила ему чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство. «В 1789 году Екатерина II подтвердила это право специальным указом, выданным уже внуку Афанасия Абрамовича, Афанасию Николаевичу, деду Натальи Николаевны» (там же). В качестве дворян Гончаровы практически разорились. В 1812 г. с приближением французов к их имению Полотняный Завод в Калужской губернии рабочие разбежались по окрестным деревням. Тут С.Р. Долгова выражается весьма неточно: «Неприятель до Полотняного Завода не дошел, а при отступлении под Малоярославцем наполеоновские войска были наголову разбиты» (с. 62). Малоярославец они все-таки захватили, но от него их вынудили отступить; почти полностью они были уничтожены лишь постепенно.

кольцом. М., 2007. С. 160). На месте большой усадьбы Пушкиных сейчас сад «Эрмитаж» (там же. С. 160–162).

Очерк «Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год» – о тетради, найденной в родовом архиве Тургеневых (Е.А. Свербеева, урожденная княжна Щербатова, была связана тесной дружбой с А.И. Тургеневым). «Со многими из названных в дневнике лиц Пушкин встречался на вечерах у Вяземского в разные годы, но упомянутые в дневнике даты были неизвестны пушкинистам» (с. 78).

«Мадам восточная звезда» – так обратился И.П. Мятлев к Анне Давыдовне Баратынской (жене брата поэта) из семьи Абамелек, в которой «соединились две старинные грузинские и армянские фамилии» (с. 89). Ее мать была из семьи Лазаревых, основателей Лазаревского института восточных языков. Сама она переводила на английский стихи русских поэтов. Пушкина видела в разгар преддуэльной истории¹. В книге публикуются ее письма к племяннику С.С. Абамелек-Лазареву, путешественнику-востоковеду, коллекционеру.

В очерк о Е.А. Долгоруковой включено стихотворение ее отца А.Ф. Малиновского «Катишина деревенская песенка». «Малиновские до замужества Екатерины жили на Мясницкой в доме, построенном в конце XVIII века, как предполагают некоторые исследователи, итальянским архитектором Ф. Кампорези. Это хорошо сохранившееся двухэтажное здание и сейчас можно увидеть в конце Мясницкой (д. 43). Весной 1830 года, будучи женихом, Пушкин особенно часто бывал в этом доме» (с. 114)². В Петербурге Долгорукова тоже с ним встречалась. Любопытно ее сообщение (в записи Ф. Толя), что Пушкин, умирая, перечислил книги, которые его вдова должна была прочитать для самообразования. Через пять лет Долгорукова признала свою подругу очень поумневшей.

«Архивны юноши» – это выражение С.А. Соболевского Пушкин в седьмой главе «Евгения Онегина» применил к сотрудникам Московского главного архива министерства иностранных дел, будущим известным литераторам, историкам, государственным деятелям. При Павле I армейская муштра отвратила многих молодых дворян от военной службы. «Чтобы пресечь своеволие дворян, император запретил им начинать службу иначе, как в военном звании; исключение сделано было только для Коллегии иностранных дел и подведомственного ей Московского архива. В архив хлынула “золотая молодежь” <...>» (с. 101). Граф А. И. Мусин-Пушкин хотел сдать в него принадлежавший ему единственный список «Слова о полку Игореве», но не успел, и список сгорел в его доме во время московского пожара 1812 г.

Короткий очерк «Маленькая поэма “Кавказский пленник”» содержит восторженный отзыв о пушкинской поэме А.И. Бухарского, популярного в 1790-е гг. драматурга и поэта (для литератора XVIII в. это произведение действительно маленькое), в письме к петербургскому почт-директору К.Я. Булгакову: она «восхитительна. Какие чувства, какое сладкопение и особливо какая живопись! Мне, однако же, один стих показался пятнышком на сей прекрасной картине: “И гро-

¹ Она имела отношение и к кругу общения Лермонтова (см.: Амирханян М.Д., Амирханян А.М. М.Ю. Лермонтов и армянский мир. Ереван, 2014. С. 15–41).

² Об этом доме (в нем располагалась «школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам», впоследствии – Строгановское училище) и его обитателях рассказывается во многих путеводителях по Москве, например: «Увы, Екатерину Алексеевну приходится лишь пожалеть. Она наверняка испытывала тайную любовь к поэту, но рассчитывать ей было не на что. Историк Баргнев писал, что несчастная девушка пошла в своего дедушку, Федора Малиновского: “Княгиня походила на него не только умом, но и наружностью, крайне невзрачною”.

О том, чтобы составить конкуренцию прелестнице Наталье Николаевне, конечно, не было и речи. Екатерина Алексеевна могла рассчитывать только на роль пушкинского конфидента» (Митрофанов А. Прогулки по старой Москве. Мясницкая. М., 2007. С. 223).

хот русских барабанов”. Он ослабляет силу предыдущего стиха, который грянул громом; при том же заметно, что барабаны грохочут тут для рифмы к Цицианову» (с. 126). Хотя к чему-нибудь да надо было придаться в первом крупном шедевре русского романтизма.

И С.Р. Долгова, и Н.И. Михайлова написали об адресате пушкинского послания «К вельможе» князе Н.Б. Юсупове. Поскольку их книги не претендуют на то, чтобы быть неким единым трудом, они не попробовали объединить очерки «Вельможа и поэт» и «Московский Дон Жуан в испанской трагедии “Каменный гость”» в один. В небольшом первом самое интересное – сообщение о знакомстве Юсупова в Лондоне с Бомарше, который 7 мая 1776 г. вписал стихотворение в его альбом. Оно приводится без указания переводчика, хотя французский драматург явно не зарифмовал по-русски пять строк четырехстопного ямба. Второй очерк значительно пространнее, даром что посвящен частной теме. Она неожиданная, это отмечено еще в совместном предисловии «От авторов». Владелец Архангельского был любвеобилен не только в молодости.

Начинается книга Н.И. Михайловой очерком «Московская дворянская семья» с главной мыслью о том, что в дворянском обществе Москвы превыше всего ценились родственные связи (об этом известно и из признания грибоедовского Фамусова Скалозубу). «От знакомства и от дружбы можно отказаться, а от родства, как ты ни вертись, признавай не признавай, а отказаться нельзя»¹, – говорила небызвестная Е.П. Янькова.

Статья (тут уместно такое обозначение жанра) «1826 год. Две коронации в Москве. Поэт и царь» – психологическое объяснение надежд Пушкина на нового царя, освободившего его из михайловской ссылки². Его возвращение было триумфальным, потому исследовательница и говорит о второй «коронации» в Москве (С.Р. Долгова в очерке «Архивны юноши» тоже писала, что современники видели в этом важнейшее общественное событие). Н.И. Михайлова не скрывает того, что декабристы негодовали на пушкинские «Стансы» («В надежде славы и добра...»), но напоминает и о другом, связывая самооправдательное стихотворение «Друзьям» с реакцией императора на пушкинскую записку «О народном воспитании». «<...> А.Х. Банкендорф в письме передает Пушкину слова Николая I о “просвещении неопытном, безнравственном и бесполезном”, “опасном для общего спокойствия”. Пушкин же эти слова отдает льстецу, приближенному к трону, обвиняя таким образом в лести тех, кто повторяет царю его же суждение о вреде просвещения. <...> Не исключено, что Николай I узнал в этом стихотворении цитату из его собственного суждения. Возможно, именно этим объясняется оскорбительное для Пушкина запрещение печатать стихотворение “Друзьям”, не возбраняющее, впрочем, его распространение» (с. 171–172).

Станным для многоопытного пушкиниста представляется идеализированное изображение в книге митрополита Филарета (сравнительно недавно канонизированного) и отношений между ним и Пушкиным. Поэт сочувствовал наставнику великого князя протоиерею Герасиму Павскому, крупному филологу, когда, как сообщал Б.В. Томашевский в комментарии к пушкинскому дневнику, «Филарет обвинил его в том, что в его двух книгах “Начертание церковной истории” и “Христианское

¹ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 145.

² См. также: Колесникова В. Николай Первый. Лики масок государя. Психологические этюды. М., 2008. С. 104–145 (глава «“Любимый” цензор Пушкина»).

учение в краткой системе” находятся неблагонамеренные места» (VIII, 368). В феврале 1836 г. Пушкин записал: «Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин. <...> Жаль умного, ученого и доброго священника! <...> Митрополит на место Павского предлагал попа Кочтова, плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого, человека, говорят, очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: “Я вас рекомендовал государю”» (VIII, 46–47). Данной цитаты в книге Н.И. Михайловой нет, а есть патетическое заключение: «По существу, А.С. Пушкин в стихотворении “В часы забав иль праздной скуки” оставил нам поэтический и вместе с тем достоверный портрет московского митрополита Филарета, первого духовного проповедника пушкинского времени» (с. 189). Нет, названное стихотворение написано вынужденно. Пастырь устроил автору «поэтическую» выволочку за то, что он представил свою жизнь как «дар напрасный, дар случайный». Филарет перефразировал эти слова: «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога мне дана <...>». Пушкин вскоре после того, как было с трудом замято дело о «Гавриилиаде» (а он помнил, что в Михайловское его сослали по обвинению в атеизме), с помощью почтительного стихотворения «В часы забав иль праздной скуки...» защищался от царского любимца в рясе, и то не совсем по своей воле. Б.В. Томашевский напоминал, что он сделал это «по просьбе Е.М. Хитрово, знакомой Пушкина, почитательницы Филарета» (III, 453), да и Н.И. Михайлова не скрывает этого, как и того, что «она была духовной дочерью Святителя» (с. 184). Не смущает автора очерка даже качество корявых виршей Филарета, приводимых на стр. 180, – его ответа на стихотворение И.И. Козлова «Высокопреосвященному Филарету». И такое верноподданническое стихотворение митрополита не устроило. Он начертал:

В день безопасности, в час мирного досуга
– Да, – хорошо – Царя петь доблества его;
Другое больше нужно нам:
Молиться за Него, молиться друг за друга.

Златоуст, ничего не скажешь.

К счастью, остальные части книги лишены тенденциозности.

Содержательны очерки «Издатель “Московских ведомостей” князь Петр Иванович Шаликов»¹, «Альбом московской барышни Елизаветы Ушаковой», «Московская поэма В.Л. Пушкина “Опасный сосед” и двоюродный брат А.С. Пушкин Буянов», где, в частности, подмечено: «<...> декларация Буянова – “Все равны в борделе у б...” – не что иное, как пародирование лозунга Великой французской революции, провозглашавшей свободу, равенство и братство» (с. 230), – и др. Рассмотрена московская тематика в «Борисе Годунове». Н.И. Михайлова не обходит ранее продемонстрированных В.С. Листовым анахронизмов в исторической трагедии, возводит некоторые ее эпизоды к детским впечатлениям автора – например, сон Григория Отрепьева с крутой лестницей на башню соотносится с тем, «что во время прогулок по Москве с крепостным дядькой Никитой Козловым Пушкин-ребенок по крутой лестнице поднимался на колокольню Ивана Великого, с высоты смотрел на город, на снующую на площади толпу» (с. 245). Но сомнительно, чтобы Николай I первоначально выступил против публикации пьесы главным образом на основании рецензии Булгарина, «возможно, и не читая “Бориса Годунова”», и «рекомендовал господину Пушкину “с нужным очищением” пере-

¹ См. также: *Васькин А.* В поисках лермонтовской Москвы. М., 2014. С. 120–126.

делать трагедию в “Историческую повесть или роман наподобие Вальтера Скотта”» (с. 251). Выводить на сцену русских царей тогда считалось неприличным¹.

Седьмая, московская, глава «Евгения Онегина» сопоставлена с тем, что писали о Москве И.И. Дмитриев, А.С. Грибоедов, Е.А. Баратынский. Показано, как на сей раз Николай I защитил Пушкина от нападков Булгарина.

Московская тема есть и в «Пиковой даме». Ее героиню, графиню, в молодости парижане называли «la Venus moscovite» – «московской Венерой». На Западе Россия все еще оставалась «Московией». «Возможно, образ московской Венеры был подсказан Пушкину тем, что дочь Н.П. Голицыной графиню Е.В. Апраксину, в отличие от ее матери – красавицу, в Париже называли разгневанной Венерой <...>» (с. 283). Жила она в Москве на Знаменке. Пушкин у нее был в 1827 г. на представлении оперы Россини «Сорока-воровка». Московский друг поэта П.В. Нащокин «сообщил пушкинисту П.И. Бартеневу о том, что сюжет “Пиковой дамы” восходит к семейному преданию Голицыных <...>» (с. 284). Подмосковные имения детей Н.П. Голицыной располагались вокруг пушкинского Захарова. Пушкин был знаком с московским генерал-губернатором князем Д.В. Голицыным, сыном «пиковой дамы». Прототипом старухи в его повести могли быть и другие известные в Москве женщины.

Очерк «Александр Дюма на родине Александра Пушкина» – выигрышный для французского романиста, побывавшего в ряде мест России, где бывал и наш классик. Он попытался представить биографию поэта в единстве с его творчеством. В рассказе о жизни Пушкина много ошибок, зато «Дюма восхищается могучим гением русского поэта, глубоко скорбит о его трагической гибели, осознает его значение для России, необходимость познакомить с ним европейских читателей <...>» (с. 307–308).

Ошибки есть и у обоих авторов рецензируемого издания. «В 1782 году князь (Н.Б. Юсупов. – С.К.) вновь встретил Бомарше и устроил для августейшей четы великого князя Петра Федоровича и его супруги Марии Федоровны чтение “Женитьбы Фигаро”» (с. 120). Да не Петра Федоровича, уже двадцать лет как убитого, а Павла Петровича. Лермонтов и князь Р.А. Долгоруков служили «в Царско-сельском лейб-гусарском полку» (с. 115). Лейб-гусарский полк никогда не назывался Царскосельским, только квартировал в Софии – городке, слившемся с Царским Селом. Слово «ассессор» двойное с содержит на конце, а не в начале (с. 67, 73). Есть описки и опечатки: «жалует» вместо «желает» (с. 120), Б.А. Жуковский (с. 90) вместо В.А., Ф.Н. Тютчев (с. 305) вместо Ф.И.; Василий Шуйский вступил на престол, конечно, в 1606, а не 1806 г. (с. 247). Первый известный предок Пушкина Радша жил в XIII столетии, но на стр. 57 читаем: «Потомок Радши во II колене, Григорий Иванович Слизнев, по прозванию Мятлев, был воеводой в Чебоксарах (1556) и Рославле (1563)». Уж наверно, не «во II колене», а в 11-м. На стр. 152 коронация Николая I отнесена к 22 августа 1826 г., на стр. 173 – к 25 августа, поскольку в этот день архиепископ Филарет «произнес “Речь его Императорскому величеству Николаю Павловичу Самодержцу Всероссийскому пред

¹ Трагедия М.П. Погодина «Петр I» полностью была издана лишь в 1873 г., в 1833 и 1835 печатались только отдельные «Сцены из жизни Петра Великого». Запрет наложил 22 декабря 1831 г. сам Николай I. Мотивировка: «Лицо императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушением святости, и по сему совершенно неприлично. Не позволять печатать» (Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т. 113. Январь. – Февраль. – Март. С. 315–316). Пушкину царь со временем уступил, поскольку Годунов все-таки не Романов.

высочайшим вступлением в Успенский собор для Священнейшего Коронования и Миропомазания”. В этот же день он был возведен в сан митрополита за заслуги перед церковью и отличное служение». В строке «С Ордынки до Миус, от Лужников до Всполя»¹ из сочинения В.С. Филимонова «Москва. Три песни» (1845) слово «Миус» заменено на более привычное «Миус» (с. 137). В пушкинском послании «К вельможе» – «Всё изменилось. Ты видел вихорь бури» (III, 161), а не «Все изменилось» (с. 121), ломающее метр. Ломает метр и объединение в одну строку окончания предшествующего стиха с последующим стихом из элегии «Андрей Шенье»: «Над нами единый властвует топор» (с. 159). Не так, как было у автора, записана на стр. 214 «шутливая пушкинская эпитафия» Александру Лаптеву, влюбленному в Елизавету Ушакову (и подана она так, будто Н.И. Михайлова первая обратила на нее внимание):

Пленился он смазливой рожей.
Он умер, мы умрем,
И вы умрете тоже.

В альбоме Ушаковой – рисунок. «На горизонтальной плоскости намогильной плиты пером Пушкина бегло написано:

Пленился он сма-
зливой рожей
Он умер, мы умрем

Окончание выехало на вертикальную грань плиты:

и вы умрете тоже.

Под этим – каллиграфическими большими буквами:

+ЛАПТЕВ+»².

В «Борисе Годунове» первые слова – «Наряжены мы вместе город ведать» (V, 187) – произносит Воротынский, а не Шуйский (с. 241). Почему-то исследовательница Пушкина уверена: «Конечно же, ему была известна первая речь Цицерона против Катилины <...>» (с. 253), – хотя автор «Евгения Онегина» скромно признавался, что в лицее «читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал <...>» (V, 142). В словосочетании «начальник III отделения его императорского величества» (с. 250) пропущено слово «канцелярии» («отделения канцелярии») – в самом величестве отделений, понятно, не было. Во фразе «шеф жандармов, генерал-адъютант князь В.А. Долгоруков направил донесение начальнику 2-го округа корпуса жандармов» (с. 298) неправомерно употреблено слово «донесение»: начальники подчиненным донесений не посылают. Не прокомментированы слова А. Дюма о Петре I, который в детстве «занимался со своим учителем дьяконом Зотовым» (с. 304). На самом деле не с «дьяконом», а с дьяком – светским чиновником.

Такие недосмотры снижают впечатление от нужной, полезной книги.

Сведения об авторе:
Сергей Иванович Кормилов,
докт. филол. наук,
профессор
кафедра истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса

¹ Филимонов В.С. «Я не в Аркадии – в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В.С. Филимонова. М., 1988. С. 209.

² Мурьянов М.Ф. Пушкинские эпитафии. М., 1995. С. 81.

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey I. Kormilov,
Doctor of Philology
Professor
Department of the History of Newest Russian Literature
and Contemporary Literary Process
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
profkormilov@mail.ru